

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4434759>

УДК 9.94

Шпакова И.Ю.

Шпакова Ирина Юрьевна, Кубанский государственный университет. 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: sovenok2599@yandex.ru.

Русско-византийская война 1043 г. в историографии и источниках

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу последней русско-византийской войны 1043 г. В ходе военного конфликта столкнулись такие военачальники, как Константин Мономах и Владимир, сын Ярослава Мудрого. В результате войны было заключено мирное соглашение, по которому восстанавливались: торговые отношения между государствами, оказание военной помощи и другие следствия союзных отношений. В данной работе обобщены и проанализированы данные историографии и источников, касающихся вышеупомянутых событий, а также рассмотрено влияние войны на последующее развитие отношений Руси и византийской Империи.

Ключевые слова: Древнерусское государство, Русь, историография, Византия, Ромейская держава, поход, война, источник, Константин Мономах, Владимир, Ярослав, XI в.

Shpakova I.Yu.

Shpakova Irina Yurievna, Kuban state University. 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskya st., 149. E-mail: sovenok2599@yandex.ru.

Byzantine–Russian war of 1043 in historiography and sources

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the last Russian-Byzantine war in 1043. During the military conflict, such military leaders as Konstantin Monomakh and Vladimir, the son of Yaroslav the Wise, clashed. As a result of the war, a peace agreement has been concluded, according to it, the following things have restored: trade relations between nations, military assistance, and other consequences of allied relations. This research work summarizes and analyzes data from the historiography and some sources which related to the above-mentioned events; also it examines the influence of the war on the subsequent development of relations between Russia and the Byzantine Empire.

Key words: ancient Russian state, Rusl, historiography, Byzantium, Roman Empire, campaign, war, source, Konstantin Monomakh, Vladimir, Yaroslav, XI century.

Мирные отношения Руси и Византии длились с 971 г., военно-го столкновения при Игоре, и вплоть до 40-х годов XI в. Последняя русско-византийская война и по сей день вызывает множество вопросов у исследователей. Свидетельством дружеских отношений в данный период служат: приезд на Русь знаменитого грека Феопемпта; родство правящих династий; служба русских наемников в войске Ромейской державы; регулярные поездки купцов в столицу Византии, Константинополь; работа византийских ремесленников в Киеве; поездки русских людей в качестве паломников в Константинополь. Анализируя внешнюю политику Ярослава Владимировича в 30-х – начале 40-х годов XI в., мы видим, что происходит переориентация внешнеполитического курса с Византии на другие европейские государства, расположенные в западном и северном направлениях [19, с. 91, 132]. А.Ю.Карпов предполагает, что подобная недооцененность русско-византийских отношений и привела к конфликту. Внешне, однако, ничего не предвещало военного столкновения.

Объектом исследования является русско-византийская война 1043 г. Предмет данной работы – исследование и анализ взглядов российских и зарубежных ученых, а также источников, связанных с событиями 1043 г.

Дискуссионным в числе многих других остался вопрос о причинах войны. В историографии сложилось три концепции. Первая группа историков, приверженцами которой были М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, В.В. Мавродин, А.А. Васильев и др., придерживалась мнения, что главная причина похода лежит в желании Руси избавиться от церковно-иерархической зависимости византийской империи. Другая коалиция ученых, в которую входили М.В. Левченко, И.У. Будовниц, Г.А. Острогорский и др., видела причину конфликта в столкновении государственно-политических интересов государств. И третья группа историков, членами ко-

торой были Г.В. Вернадский, В.Д. Королюк, В.Т. Пашуто и др., высказывала точку зрения, согласно которой необходимо рассматривать весь комплекс русско-византийских отношений. Следует подробнее остановиться на точках зрения, касательно данной войны, представляющих наибольший интерес. Н.М. Карамзин утверждал, что дружба между державами была обусловлена взаимными выгодами и утверждена единством веры и родственным союзом [3, с. 98]. С.М. Соловьев выказывал солидарность, но акцентировал внимание на решающей для Ярослава роли торговли с Византией, а потому князь не мог простить ссоры на рынке в 1042 г., в результате которой произошло убийство русского купца, имя которого источники нам не сообщают. Именно это событие большинство исследователей считают поводом данной войны. Если же говорить о причинах войны, то следует сказать об изменении отношения Византии к русам и норманнам. Г.Г. Литаврин говорит о том, что Константин IX видел в них приверженцев прежних правителей Ромейской империи, чем и объясняется смена политического курса по отношению к Руси и как следствие поход на Царьград. С.Д. Сказкин указывает, что подобная перемена происходит непосредственно с приходом к власти Константина Мономаха, а никак не раньше. Враждебность императора отразилась в первую очередь на положении русского населения, проживающего в византийской империи. Подобное отношение С.Д. Сказкин объясняет отчасти участием русского корпуса в мятеже Георгия Маниака, ссылаясь на известного византийского историка Константина Сафу [14, с. 350]. А.Ю. Карпов говорит о предположительной взаимозависимости неудавшегося восстания Маниака и последующей войны. Возможно, Ярослав Владимирович решил воспользоваться внутренним ослаблением Византии. Карпов также высказывает два равновероятных и прямо противоположных предположения. Одно из них – оказание помощи Маниаку

с целью свержения Константина Мономаха. Другая версия связана с поддержкой императора в борьбе с восстанием. Г.Г. Литаврин указывая на смену политического курса, предпринятую Константином IX, акцентирует и на ослабление влияния военной знати, а потому прежние договоры, заключенные с Русью, в которых одним из важнейших пунктов была оплата Ромейской державой военной помощи, теряли свое значение. Ярослав в свою очередь мог это расценить как ущемление интересов Древнерусского государства и последующее падение его престижа на международной арене. По мнению Г.Г. Литаврина Ярослав Мудрый задумал этот поход «скорее для демонстрации силы...чем для ее применения» [6, с. 274]. Дж. Шепард выказал солидарность с точкой зрения В.Т. Пашуто, считавшего одной из причин похода благоволение византийского двора к сопернику Ярослава, черниговскому князю Мстиславу. А.Ю. Карпов в свою очередь, как и ряд других историков, отрицает ссору на рынке как возможную причину для начала войны. Смерть купца, что можно было расценить как прямое нарушение союзного договора, не могла послужить поводом для развязывания тяжелой и дорогостоящей войны, исходя из анализа уравновешенной и продуманной политики Ярослава Мудрого.

Несколько иные сведения обнаруживаются в источниках, в частности в работе Михаила Пселла «Хронография». Византийский автор, писавший в XI в. определяет эту войну как «восстание» россов. Документ носит ярко-выраженную антирусскую направленность, что прослеживается с первых же строк произведения, когда автор называет русских варварами, издавна ненавидевших Ромейскую державу. Пселл считает, что Древнерусское государство напало без всякого повода и причин. Отличительным в числе других источников является факт предложения мира именно Русью, но на заведомо невыполнимых условиях [11, с. 95]. По-другому описывает войну Иоанн Скили-

ца. Как единственную причину войны автор указывает ссору на константинопольском рынке. Инициатива о начале переговоров, по данным этого источника, принадлежит византийской стороне. Любопытным для исследователя являются свидетельства из «Хроники» Мацея Стрыйковского. Поскольку это единственный источник, сообщающий конкретные причины войны: «молодого сына своего Владимира и воеводу Высоту с воинством к Царьграду, требуя у кесарей Корсуни и Таврики». Однако степень достоверности данного произведения неизвестна [4, с. 351]. Русские летописи, к сожалению, не сообщают мотивов Ярослава. В Новгородской Четвертой летописи же война ошибочно расположена под 1041 г.

Какими бы ни были причины, русское войско выступило в поход весной 1043 г. (конец апреля - начало мая) во главе со старшим сыном Ярослава Мудрого, Владимиром. Здесь обнаруживаются расхождения в источниках. В русских летописях Владимир является лишь исполнителем воли отца, византийские же источники не содержат вовсе упоминаний о Ярославе, показывая его сына полноправным инициатором и предводителем похода. По данным русских летописей, воеводство было поручено Вышате, отцу Яневу, по мнению некоторых ученых, он выступал лишь в роли одного из воевод. А.Д. Нечволодов также сообщает о еще одном полководце, Иване Творимиче. Касательно численности войска источники расходятся в сведениях. Русские летописи, как и византийский историк, Иоанн Зонара, не предоставляют нам информации по этому поводу, Пселл пишет о «неисчислимом» количестве русских кораблей. И. Скилица, как и И. Штриггер, собравший известия византийских историков, сообщает о войске в сто тысяч человек. Данные сведения, очевидно, преувеличены, более правдоподобной следует считать информацию, предоставляемую Михаилом Атталиатом. Он говорит о «не менее 400 судов русских» [6, с. 236], что

составляет примерно двадцать тысяч человек. Достоверно известно, что в состав войска помимо новгородской и киевской дружин также входили варяги. Из софийской первой и никоновской летописей нам становится известно о некоторых размолвках между русами и варягами, когда войско достигло Дуная, русы сказали Владимиру: «станем здесь на поле», а варяги молвили: «пойдем под город». Владимир прислушался к последним, и войско двинулось морским путем [13, с. 137; 12, с. 82]. А.Ю. Карпов, рассуждает о возможных причинах подобных разногласий. Участники похода имели различные цели. Если варяги-наемники желали сражения, то русские воеводы, являясь проводниками княжеской воли, должны были думать о возможности мирного исхода войны [4, с. 355].

Достигнув устья Дуная, войско остановилось, встретившись с посольством византийского императора. Источники единодушны во мнении, что Константин, не желая нарушать длительного мира из-за столь маловажной причины, предлагал сложить оружие и наказать виновных в смерти знатного купца. Однако Владимир не уважил письма. Преимущественно византийские источники сообщают о втором византийском посольстве, произошедшем непосредственно накануне битвы у стен Константинополя, и условиях князя Владимира. Михаил Пселл пишет о заведомо невыполнимых условиях: «по тысяче сатиров на судно», Иоанн Скилица: «три литры золота на каждый имеющийся у него отряд». Г.Г. Литаврин полагает данные суммы равными по своему номиналу и выказывает солидарность с польским историком, Анджеем Поппэ, не считая подобную сумму непосильной для Византии [4, с. 251]. Ибн ал-Асир пишет, что русы выступили «с необычными для них требованиями», к сожалению, какими конкретно автор не уточняет, однако, византийцы в ответ «единогласно решили вступить с ним в войну» [8]. Поппэ и Карпов выдвигают предположение, объясняющее столь кон-

кретную цифру контрибуции. Данная сумма соответствовала годовому жалованию наемника, находящемуся на византийской службе. Исходя из этого, А.В. Поппэ делает вывод о возможной помощи корпуса русских мятежнику Маниаку [6, с. 251]. А.Ю. Карпов высказывает противоположную точку зрения о помощи императору в борьбе с восставшими [4, с. 359], но в таком случае при обоих возможных вариантах русские воины требовали положенного им жалования за несостоявшуюся службу. Немецкий историк, Г.Ф. Герцберг, выражает собственное мнение касательно причин отказа Владимира от мира и выдвижения неумеренных требований: «При киевском дворе мечтали вновь о победоносных приключениях» [2, с. 223]. С чем согласны далеко не все историки, которые могут выдвигать лишь предположения подобного поведения Владимира, поскольку источники не сообщают причин отказа. Джонатан Харрис отчасти солидарен с мнением о намеренно агрессивной политике со стороны Древнерусского государства, поскольку считает, что Византия, сменив курс с завоевательного направления на консолидацию государства, в XI в. вела, как правило, оборонительную политику: «Вместо того чтобы воевать, с потенциальными врагами предпочитали договариваться» [17, с. 241].

Дискуссионным остается вопрос об осведомленности Константина касательно приближения русского войска. А.Ю. Карпов считает, что император знал, однако выказывал поразительную беспечность в этом отношении: «Несмотря на длительные переговоры, начало военных действий застало его врасплох» [4, с. 360]. Византийские источники, такие как произведения И. Скилицы, М. Пселла, М. Атталиата и других, сообщают о малочисленности императорских сил, необходимых для отражения нападения. В пользу мнения об информированности Константина Мономаха говорят меры, предпринятые им накануне войны. Купцы и воины были разосланы по различ-

ным фемам в целях предотвращения возможного мятежа. Пселл пишет и о мероприятиях, предпринятых для подготовки флота: «Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе...в изобилии снабдил корабли жидким огнем...» [11, с. 96]. Император также успел подтянуть к Константинополю и сухопутные силы. С.Д. Сказкин приводит еще одно свидетельство в пользу данной точки зрения: «По крайней мере, весной 1043 г. Мономах знал о предстоящем походе: Катакалон Кекавмен, стратиг Паристриона, получил приказ охранять западные берега Черного моря» [14, с. 350]. Однако не все исследователи согласны с мнением об информированности императора. Г.Ф. Герцберг и А.М. Филипчук говорят о встревоженном состоянии Константина IX вследствие следующих причин: множество русских купцов находилось на Золотом Роге, поступление большого количества русских наемников на царскую службу и их ненадежность, присутствие во вражеском войске варяг. Герцберг пишет: «В 1043 г. вопреки всякому ожиданию столицы, еще раз грозили бедою русские» [2, с. 223].

К столице византийской империи русские отряды подошли в июле 1043 г. [7, с. 105-107]. Войска Владимира встали на якорь вблизи входа в Босфор из Мраморного моря [6, с. 252]. Решающее сражение произошло в одно из воскресений июля, по данным М. Атталиата. Византийские источники единодушно сообщают о нежелании обеих сторон вступать в бой. Так, в полной готовности войска простояли на протяжении целого дня, бой начался лишь к вечеру по инициативе византийской стороны. Особое внимание в данном сражении И. Скилица уделяет магистру Василию Феодокорану, возглавившему первую атаку. А.Ю. Карпов сравнивает эту войну с русско-византийской войной 941-944 гг.: «Как и сто лет назад...исход противоборства во многом предопределило техническое превосходство греков» [4, с. 363]. В данном случае имеется в виду «греческий

огонь», секрет которого за многие десятилетия активной торговли не удалось узнать представителям Руси. Некоторые корабли пострадали от горючей смеси, большая же часть предпочла отступить. Русские летописи сообщают о следующей сцене: когда греки увидели русских, вышли из-за стен города к морю и опустили в него «пелены Христовы с мощами святых», чем и вызвали бурю. Наибольший урон получил русский флот именно в буре, начавшейся во время сражения. Примечательно, что русские летописи объясняли неудачу похода исключительно последствиями бури, вовсе не упоминая о сражении. Для тяжелых византийских судов, обладавших наибольшей устойчивостью, погодные условия были не так страшны. К тому же кормчие империи лучше ориентировались в Босфоре. Русские летописи указывают число выброшенных на берег людей – 6000, по видимому, это были выжившие. И. Скилица называет цифру в 15000 трупов, что, как и общую численность войска, многие историки считают преувеличением. Русские воины, которым удалось спастись, в большинстве своем оказались без оружия и фактически без одежды на вражеской территории. Византийские сторожевые отряды, отправленные императором спустя два дня после битвы, осматривая берег, значительно обогатились. Вышата – единственный из воевод, решивший разделить тяготы пешего похода, формально нарушая тем самым волю Ярослава: «Не пойду я к Ярославу, а пойду с ними», и, высадившись с корабля на берег, сказал: «Если я жив буду, то с ними; а если погибну, то с дружиною» [12, с. 82]. А.Ю. Карпов объясняет разрыв между русами и скандинавами незаинтересованностью последних в дальнейшем продолжении похода и в судьбе потерпевших крушение русских воинов. Как сообщает Иоанн Скилица, через два дня Константин Мономах организовал патрулирование побережья и преследование русского флота. Русские летописи сообщают о четырнадцати олядьях, византий-

ские же авторы говорят о двадцати четырех, одиннадцать из которых приняли бой. Г.Г. Литаврин считает это несущественным расхождением, поскольку русские воины могли просто не увидеть остального флота. Византийскими триерами командовал патрикий Константин Каваллурий. Данное морское сражение, вероятно, произошло уже в Черном море, однако вряд ли далеко от Босфора [6, с. 248]. По данным И. Скилицы, корабли Владимира, увидев греков, развернулись и растянулись цепью, стремясь перекрыть выход из залива. Уставшие византийцы испугались многочисленности русского флота и обратились в бегство, однако в этот момент выход из пролива был уже заблокирован, из-за чего они были вынуждены принять бой. В сражении ромеи потерпели поражение, русским удалось захватить четыре триеры вместе с людьми, остальные же суда разбились о скалы и камни или сели на мель. «Это был успех больше моральный», - пишет А.Ю. Карпов, и с ним сложно не согласиться [4, с. 368]. Ведь теперь Владимир мог считать себя отчасти победителем, захватившим пленников, а также добычу. Поскольку поход для русского флота закончился на победоносной ноте, постольку, вероятно, в русских источниках поход позднее воспринимался в целом как удачный для Руси.

Последнее столкновение в ходе данной войны произошло близ Варны. Пешее войско, возглавляемое воеводой Вышатой, настиг Паристрион Катакалон Кекавмен с имперскими воинами. А.Ю. Карпов справедливо замечает: «То, что произошло дальше, скорее напоминало избиение, чем битву» [4, с. 368]. В ходе сражения русское войско потерпело поражение. Источники единодушно называют цифру в восемьсот пленных, в числе которых был и воевода Вышата. Если вспомнить о шести тысячах спасшихся из бури, то можно прийти к выводу, что в данном бою было убито более пяти тысяч русских воинов. Тех же, кто попал, в плен по данным Никоновской и

других летописей, ослепили. Русский флот не помог пешему войску, что А.Ю. Карпов объясняет удаленностью кораблей от берегов Византии на момент сражения [4, с. 369]. Г.Г. Литаврин высказывает сомнение, сознательно ли бросил Владимир воинов на берегу или же стремился оказать им помощь, но по каким-то причинам не смог или не успел. Как возможную причину отсутствия подкрепления Г.Г. Литаврин называет раздоры внутри войска, подтверждение чему наблюдалось и ранее [6, с. 249].

Некоторые исследователи предполагают, что в 1044 г. во главе с князем Владимиром был совершен новый поход на Византию. В этом аспекте А.Ю. Карпов критикует В.Г. Брюсову, считая невозможным такой исход событий. Он обосновывает это тем, что по свидетельствам летописей нам известно о местонахождении Ярослава и его сына, в частности в Новгороде, а не по направлению к берегам Константинополя. Абсурдным также кажется, что о подобном военном походе не сохранилось сведений ни в одном из источников. Единственное свидетельство, подтверждающее версию В.Г. Брюсовой, это рассказ российского писателя Ф.А. Эмина, который в своей работе ссылается на древнего литовского хрониста «Брунака». Однако такой хронист неизвестен другим исследователям, из чего Карпов делает вывод, что, скорее всего «и он сам, и весь рассказ Эмина – не более чем мистификация» [4, с. 371, 525-526].

Когда в Киев вернулся Владимир с остатками войска, у людей не осталось сомнений в исходе войны. Тысячи людей оплакивали своих родных, погибших в бою. Так или иначе, политике Ярослава Мудрого был нанесен удар, однако, по данным источников, государь не предпринимает никаких новых шагов в отношении Византии. Ярослав не готовит новую войну, как это в свое время сделал Игорь после поражения в войне 941-944 гг. Не наблюдается никаких признаков стремления отмщения, вместо этого государь занимается делами внешней политики в

другом направлении: Польша, Венгрия, Норвегия и др. С.М.Соловьев высказал мнение, что Ярослав Владимирович считал данный политический курс наиболее важным, вследствие чего и поспешил прекратить вражду с Ромейской державой [15, с. 218]. Без заметных усилий со своей стороны Ярослав восстанавливает дружеские отношения с Византией. По всей видимости, обе стороны желали восстановления мира. Об отсутствии ненависти Византии к Древнерусскому государству, говорит хрисовул Константина Мономаха 1044 г., выданный монастырю на о. Хиос спустя полгода после окончания военных действий, т.е. еще до заключения мирного соглашения. В данном документе, по мнению А.М. Филипчука, упоминаются наемники, высланные ранее из Константинополя в различные фемы [16, с. 200]. Очевидно, что заключению договора предшествовали переговоры, детали которых не дошли до нас в каких-либо источниках. Византийская сторона пошла на уступки, для чего был ряд причин. М.В. Левченко считает, что это было связано с ослаблением Ромейской державы из-за вторжения печенегов на Балканский полуостров, а следовательно государство нуждалось в военной поддержке [5, с. 190]. По мнению А.Д. Нечволодова, греки не могли обходиться без русских товаров: хлеба, меда, рыбы, янтаря и др. [9, с. 227]. Г.Г. Литаврин говорит о нависшей над Византией угрозе также со стороны сельджуков. Причинами заключения мира для Константина Мономаха могли послужить новые мятежи византийской военной знати и потенциальная возможность повторного нападения русских на Константинополь [6, с. 274]. Не следует забывать также о традиционной для Византии политике, сутью которой было установление дружественных отношений с соседними государствами даже в том случае, когда это предполагало материальные уступки. А.Ю. Карпов считает, что поскольку Ярослав лично не участвовал в войне, то мог выставить случившееся недоразумением, т.к. дейст-

вия Владимира могли предприниматься без его ведома [4, с. 371]. Касательно даты заключения мира большинство источников и историков придерживаются 1046 г. Г.Г. Литаврин в пользу данной точки зрения приводит сведения об участии русских войск в подавлении восстания Льва Торника в 1047 г., а соответственно на этот момент уже были восстановлены союзнические отношения. Н.М. Карамзин и В.Н. Татищев также считают, что вражда продолжалась в течение трех лет после битвы у Константинополя, однако называют дату 1047 г. По моему мнению, договор следует датировать 1046-1047 гг. Джонатан Харрис придерживался мнения, что договор, как и брак сына Ярослава, был заключен в 1045 г., однако свою точку зрения никак не объяснял [17, с. 241]. Условия договора источники нам не сообщают, за исключением возвращения на Русь Вышаты, поздние летописи пишут, что воевода возвратился на Родину с дружиной. Г.Ф. Герцберг указывает и на восстановление торговых отношений на прежних основаниях. Был возмещен ущерб и русскому монастырю на Афоне. Важным пунктом договора был брак сына Ярослава, Всеволода, с дочерью царя, не являвшейся порфиродной принцессой, имя которой сообщается лишь предположительно – Мария. Он был заключен между 1046 г. и 1052 г., поскольку под 1053 г. летопись сообщает о рождении сына Всеволода, Владимира, и греческой царевны. Если говорить о значении заключенного мира то, по мнению Г.Г.Литаврина, он не мог сравниться с предшествующими как по своей значимости, так и по масштабности военных действий [6, с. 275]. Однако очень важным для Древнерусского государства было заключение нового династического брака, повышающего авторитет Руси на международной арене. Г.Г. Литаврин пишет о таком последствии войны как несанкционированное Константинополем избрание русского митрополита Илариона в 1051 г. По мнению историка, невзирая на заключение мира, это являлось

«отголоском каких-то неопределенных при амбициозном патриархе Михаиле Кируларии трений между Русью и Византией» [6, с. 276].

Война 1043 г. была последней между Русью и Византией. Затем взаимоотношения между государствами значительно ослабевают, причины чего по-разному трактуются историками. Н.М. Карамзин и С.Д. Сказкин считают, что столкновения с империей прекратились, поскольку Древнерусское государство после смерти Ярослава погружается в череду междоусобиц, вследствие чего утрачивает силу. А.А. Васильев высказывает другую точку зрения: «Этнографические изменения, происшедшие во второй половине XI века в степях современной южной России, в виде появления половцев, лишили русское государство возможности поддерживать прямые сношения с Византией» [1, с. 427]. Г.А. Острогорский солидарен с мнением о продвижении степных народов, но также говорит о перемещении центра Древнерусского государства на северо-восток, что значительно повлияло на дальнейшее развитие русско-византийских отношений [10, с. 414]. М.В. Левченко связывает это с упадком Византии: «После поражения от турок-сельджуков при Манцикерте Византия, конечно, не могла проявлять никакой политической агрессии по отношению к русским землям» [5, с. 191]. Однако автор указывает, что патриархи Константи-

нополя еще продолжительное время сохраняли за собой права назначения митрополитов-греков на Руси.

В целом как внутренняя, так и внешняя политика Ярослава Мудрого оценивается историками достаточно высоко. Во время его правления возводятся множество монастырей и храмов; распространяется грамотность; присоединяются новые территории, расширяя тем самым границы государства; строятся новые города: Юрьев, Новгород-Северский, Ярославль; создается первый письменный свод законов – Русская правда; Киев укрепляется каменной стеной и многое др. Упрочивается положение Руси и на международной арене, о чем свидетельствует победа над печенегами, а также заключение не одного династического брака с представителями ведущих стран Европы. Большинство исследователей считают время правления Ярослава расцветом Древнерусского государства. Вот что пишут по этому поводу И.Н. Данилевский и Е.А. Мельникова: «Именно в эпоху Ярослава происходят кардинальные изменения практически во всех областях общественной жизни Руси» [19, с. 6]. И мы действительно видим масштабность его преобразований. Касательно отношений с Византией, связи между государствами только упрочиваются, и можно наблюдать множество свидетельств взаимовлияния культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А.А. История Византийской Империи. Т.1. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб.: Алетейя, 1998. 512 с.
2. Герцберг Г.Ф. История Византии / пер., прим. и прил. П.В.Безобразова. М.: Типо-литогр. В.Рихтера, 1897. 674 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2003. 1024 с.: ил.
4. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. – М.: Молодая гвардия, 2010. 583[9] с.: ил.
5. Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. М.;–Л.: Соцэкгиз, 1940. 264 с.
6. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.
7. Литаврин Г.Г. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // Византийский временник. Т. 29. М.: Наука, 1969. 344 с.

8. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асир / пер. П.К. Жузе. Баку: АзФан, 1940. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_2/text5.phtml?id=7970
9. Нечволодов А.Д. Сказания о Русской земле. Ч.1. С древнейших времен до расцвета Русского могущества при Ярославе Мудром. СПб., 1913. 316 с.
10. Острогорский Г.А. История Византийского государства / Пер. с нем. М.В.Грацианский. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 895, [1] с.: ил., карты.
11. Пселл М. Хронография. М.: Наука, 1978. 319 с.
12. ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. 282 с.
13. ПСРЛ. Т. V. Псковская вторая и Софийская первая летописи. СПб., 1851. 286 с.
14. Сказкин С.Д. История Византии. Т.2. М.: Наука, 1967. 472 с.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1. М.: Соцэкгиз, 1959. 816 с.
16. Филипчук А.М. Харальд Сигурдссон и Русско-византийская война 1043 г. // Slověne. М.: МПГУ, 2014. № 1. С. 193-205.
17. Харрис Д. Византия: История исчезнувшей империи. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 386 с.
18. Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времен и переселения народов. Ч.3. О россах и варягах. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 226 с.
19. Ярослав Мудрый и его эпоха. М.: Индрик, 2008. 216 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasil'ev A.A. Istorija Vizantijskoj Imperii. T.1. Vremja do Kresto-vyh pohodov (do 1081 g.). SPb.: Aletejja, 1998. 512 s.
2. Gercberg G.F. Istorija Vizantii / per., prim. i pril. P.V.Bezobrazova. M.: Tipo-litogr. V.Rihtera, 1897. 674 s.
3. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. M.: Jeksmo, 2003. 1024 s.: il.
4. Karpov A.Ju. Jaroslav Mudryj. – M.: Molodaja gvardija, 2010. 583[9] s.: il.
5. Levchenko M.V. Istorija Vizantii. Kratkij ocherk. M.;–L.: Socjckgiz, 1940. 264 s.
6. Litavrin G.G. Vizantija, Bolgarija, Drevnjaja Rus' (IX – nachalo XII v.). SPb.: Aletejja, 2000. 398 s.
7. Litavrin G.G. Eshhe raz o pohode russkih na Vizantiju v ijule 1043 g. // Vizantijskij vremennik. T. 29. M.: Nauka, 1969. 344 s.
8. Materialy po istorii Azerbajdzhana iz Tarih-al-kamil' (Polnogo svoda istorii) Ibn-al-Asir / per. P.K. Zhuze. Baku: AzFan, 1940. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_2/text5.phtml?id=7970
9. Nechvolodov A.D. Skazanija o Russkoj zemle. Ch.1. S drevnejshih vremen do rascveta Russkogo mogushhestva pri Jaroslave Mudrom. SPb., 1913. 316 s.
10. Ostrogorskij G.A. Istorija Vizantijskogo gosudarstva / Per. s nem. M.V.Gracianskij. M.: Sibirskaja Blagozvonnica, 2011. 895, [1] s.: il., kar-ty.
11. Psell M. Hronografija. M.: Nauka, 1978. 319 s.
12. PSRL. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheju ili Niko-novskojju letopis'ju. SPb., 1862. 282 s.
13. PSRL. T. V. Pskovskaja vtoraja i Sofijskaja pervaja letopisi. SPb., 1851. 286 s.
14. Skazkin S.D. Istorija Vizantii. T.2. M.: Nauka, 1967. 472 s.
15. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kn.1. M.: Socjek-giz, 1959. 816 s.
16. Filipchuk A.M. Haral'd Sigurdsson i Russko-vizantijskaja vojna 1043 g. // Slověne. M.: MPGU, 2014. № 1. S. 193-205.
17. Harris D. Vizantija: Istorija ischeznuvshej imperii. M.: Al'pina non-fikshn, 2017. 386 s.

-
18. Shtritter I. Izvestija vizantijskih istorikov, ob#jasnjajushhih Rossij-skuju istoriju drevnih vremen i pereselenija narodov. Ch.3. O rossah i varja-gah. SPb.: Pri Imp. Akad. nauk, 1774. 226 s.
 19. Jaroslav Mudryj i ego jepoha. M.: Indrik, 2008. 216 s.

Поступила в редакцию 11.12.2020.

Принята к публикации 23.12.2020.

Для цитирования:

Шпакова И.Ю. Русско-византийская война 1043 г. в историографии и источниках // Гуманитарный научный вестник. 2020. №12. С. 118-127. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/12/Shpakova.pdf>